СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА?

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы выбора варианта стратегии развития России. Показано, что речь идет не столько о выборе рационального способа экономического поведения в макросфере, сколько о рецептах развития в рамках все более закрывающейся экономики, все механизмы и взаимосвязи которой ориентированы и «заточены» под экономику, функционирующую в рамках глобального воспроизводственного цикла. Утверждается, что российская экономика оказалась в системном кризисе, который является классическим марксовым кризисом перепроизводства, когда поддержание пропорций и выполнение сбалансированных обязательств (которые в условиях победившего государственного монополизма превратились в значительной степени в обязательства государства) возможно только при сохранении сложившихся пропорций «цен» (рентных доходов бюджета, сбережений, конечных расходов, корпоративной прибыли, курса рубля, ставки процента и т. п.). В качестве главной проблемы названы внутренние факторы: отсутствие эффективного арбитража, «замороженность» политико-социальных форматов, конфликт псевдорыночного и государственно-монополистического секторов в экономике, а не внешние, существование которых объективно. Соответственно, многочисленные дискуссии относительно новой стратегии развития, призванные обеспечить новую эффективную экономику, на самом деле неявно содержат вопрос о необходимости замены метацили, что автоматически приведет к необходимости обсуждения вопроса о содержании и форме общественного развития в целом.

Ключевые слова: кризис перепроизводства, общественное развитие, метациль, макросфера, стратегия, Россия

Для цитирования: Минакир П.А. Стратегические развилки: есть ли выход из тупика? // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 7–18. DOI: [10.14530/se.2017.3.007-018](https://doi.org/10.14530/se.2017.3.007-018).

For citation: Minakir P.A. Strategic Branching: Is There a Way out of a Dead End? *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2017, no. 3, pp. 7–18. DOI: [10.14530/se.2017.3.007-018](https://doi.org/10.14530/se.2017.3.007-018). (In Russian).

Пессимистические оценки и прогнозы экономического роста в России, характерные для 2015–2016 гг., сменились с конца 2016 г. все нарастающим оптимизмом как официальных ведомств и лиц, так и экспертов. Казалось бы, повод для оптимизма действительно есть. После семи кварталов непрерывного падения ВВП страны в IV квартале 2016 г. наступил перелом. Росстат отчитался о росте ВВП по сравнению с IV кварталом 2015 г. на 0,3% (Экономика, 2017). Возможно, это действительно перелом? Конечно, картину портит то, что в целом за 2016 г. ВВП России все равно сократился на 0,2%. А вполне вероятно, и еще больше, так как Росстат официально скорректировал макроэкономические оценки за I и II кварталы 2016 г., снизив оценки темпов падения соответственно с 1,2 до 0,4% и с 0,6 до 0,5% (Экономика..., 2017). Прибавляет оптимизма то, что и в I квартале 2017 г. прирост по сравнению с аналогичным кварталом 2016 г. составил 0,5% (Валовой..., 2017). Все это дает основание правительству РФ даже оспаривать позитивные прогнозы роста российской экономики в 2017 г., которые дают международные организации, предсказывающие рост в 2017 г. на уровне: 101,4% – ОЭСР и МВФ, 101,3% – Всемирный банк (Глобальная..., 2017). Ободренные позитивными значениями квартальных индикаторов министр экономики, вице-премьер правительства, а вслед за ними и Президент РФ уверенно предсказывают для российской экономики в 2017 г. прирост на уровне 2%, хотя еще в январе прогноз Минэкономразвития РФ осторожно предсказывал рост на 2017 г. на уровне 100,6% (Шувалов..., 2017). Причиной улучшения и внутрироссийских, и международных прогнозов является ожидающееся оживление в сфере инвестиций и международной торговли, в частности, совокупного экспорта на глобальном уровне (Глобальная..., 2017). Конечно, общее увеличение спроса в мировой экономике приведет к некоторому увеличению спроса на основные экспортные позиции России, что и отражается в ожиданиях экспертов.

Определенно можно сказать, что изменился знак макроэкономических ожиданий, что отразилось и в пересмотре рейтинговым агентством S&P в положительную сторону суверенного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного» (Экономика..., 2017). Однако главным вопросом является все-таки другой. Произошло ли изменение фундаментальных основ, определяющих долговременный тренд развития экономики страны? Или по-прежнему надежды связаны с будущим изменением тренда мировых цен на углеводороды? Эти надежды могут оправдаться, но могут и не оправдаться. Вероятность последнего весьма высока.

Во-первых, даже улучшение глобальной макроэкономической конъюнктуры не является гарантией формирования разрыва спроса и предложения на мировом рынке углеводородов из-за сложившегося превышения потенциального предложения над потенциальным спросом. За время низких цен

практически все фирмы-производители и государственные бюджеты стран-производителей понесли значительные потери в форме недополученных доходов. Любое улучшение конъюнктуры будет ими рассматриваться, скорее всего, как сигнал для наращивания предложения в максимально возможных размерах для перераспределения в свою пользу аккумулированных в предыдущий период странами-импортерами сверхдоходов. Результатом может быть нарушение баланса спроса и предложения уже при новых уровнях спроса и возврат экспортных цен к низким уровням.

Во-вторых, быстрый технический прогресс меняет структуру потребления энергии и удельные нормативы потребления, объективно сокращая глобальный спрос.

Пока можно, очевидно, говорить только о поддержавших экономику краткосрочных структурных и регулятивных эффектах, которые, впрочем, связаны более с внешними факторами, а не с фундаментальными сдвигами в самой российской экономике. Рост в пищевой промышленности и в целом в АПК обеспечен благодаря увеличению инвестиций на фоне импортозамещения. Прирост в металлургии обусловлен улучшением рыночной конъюнктуры. Государственные заказы в военно-промышленном комплексе и инфраструктурном секторе также поддерживали экономику.

Фундаментальными факторами роста для российской экономики в настоящее время являются чистый экспорт и внутренний спрос. Динамика чистого экспорта при сложившейся структуре экспорта угнетается внешней конъюнктурой и может быть активизирована только в случае реальной структурной и технологической модернизации российской экономики, то есть в случае замещения не по доле, а по объему экспорта углеводородов экспортом прочих товаров и услуг. Это невозможно сделать в коротком периоде. Но и в долговременном аспекте это предполагает интенсивные инвестиции в технологии производства и управления.

Каков источник инвестиций? Их в принципе два – сбережения и совокупный долг. За предыдущие 25 лет, прошедших с момента декларации о переходе к рыночной экономике, способа трансформации сбережений населения в инвестиции так и не было найдено. Учитывая запредельно низкий уровень взаимного доверия государства, частного бизнеса и населения, весьма сомнительно, что этот способ может быть «открыт» в коротком периоде. Неудивительно поэтому, что аналитики Сбербанка призывают увеличить норму совокупного долга с нынешних 100% ВВП до 150%, то есть привлечь в экономику в течение 10 лет порядка 40 трлн руб. инвестиций (Долг..., 2017). Учитывая, что внешние источники финансирования корпоративного долга для России скорее всего еще долго будут оставаться недоступными, речь идет о внутреннем долге, то есть о вышеупомянутой трансформации

сбережений в инвестиции. А следовательно, этот рецепт, который с арифметической точки зрения приемлем, становится экономически (поведенчески) нереалистичным. А значит, подразумевается некий иной источник инвестиций, которым по определению в закрытой с финансово-инвестиционной точки зрения экономике может быть только государственный бюджет.

Внутренний спрос на товары и услуги производственного назначения в перспективе определяется и теоретически, и практически размерами накопления, то есть приростом выпуска товаров и услуг, а также степенью его разнообразия. То есть опять возникает проблема источника инвестиций и структурной модернизации экономики. Как отмечено выше, обе эти задачи не имеют простого и однозначного решения в рамках принятой экономической и политической парадигмы.

Не лучше обстоят дела и с внутренним потребительским спросом. В 2016 г. сокращение размеров розничной торговли продолжилось. Оно стало не таким большим, как в 2015 г. (4–5% против 15%), но вполне вероятно, что «улучшение» достигнуто за счет указания в отчетности Росстата за 2016 г. агрегатного показателя, включающего оптовую торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (в 2015 г. отчитывались по показателю «розничная торговля») (С обильным..., 2017). В любом случае, сокращение потребительского спроса продолжается. Смена тренда возможна, но для этого нужно восстановить динамику доходов населения и, самое главное, изменить знак макроэкономических ожиданий у домашних хозяйств, без чего нельзя надеяться на изменение их потребительского поведения. Получается очередной замкнутый круг.

Наличие таких порочных кругов объясняет общее уныние макроэкономических прогнозов и российского правительства, и международных организаций и экспертов. Самые оптимистичные оценки предстоящего в 2017–2020 гг. экономического роста, если он состоится и не будет сорван экстремальными внешними или внутренними факторами (обвал нефтяных цен, обвал валютного курса рубля, чрезмерное укрепление рубля и т. п.), находятся в диапазоне 1,5–2% ежегодного прироста. В этом случае российскую экономику ждет длительная стагнация с периодическими спадами в результате циклических или генерированных внеэкономическими причинами внешних конъюнктурных шоков. Один из таких внеэкономических шоков только что обозначен в форме законодательного оформления анти-российских санкций в США.

Таким образом, давно муссируемый и в экспертном сообществе, и на официальных форумах выбор стратегий развития российской экономики, которые бы гарантировали «прорыв» в области стабильного экономического роста, превращается в своеобразное шаманство. Рационального выбора не

существует, и остается взывать к «высшим силам», которые неким чудесным образом разорвут хоть какую-то из петель положительной обратной связи, которые туго спеленали национальную экономику. По существу все более очевидно, что речь идет не столько о выборе рационального способа экономического поведения в макросфере, сколько о рецептах развития в рамках все более закрывающейся экономики, все механизмы и взаимосвязи которой ориентированы и «заточены» под экономику, функционирующую в рамках глобального воспроизводственного цикла. Как строить экономику мобилизационного типа, мы уже знаем и знаем, что, сколько и кому придется заплатить за это. А вот как заставить экономику, оставаясь рыночной и глобально ориентированной, развиваться быстрыми темпами, то есть наращивать конкурентоспособность в глобальном смысле, опираясь лишь на собственные силы, очевидно, и предстоит сказать «стратегам». По существу, в полный рост перед российской экономикой встал вопрос о «новом двухколейном пути»: существовать в глобальном мире на основе идеологии «чучхе».

Есть ли «свет в конце туннеля» — это зависит от принципиальной возможности определить «оптимальную» стратегию экономического развития при вышеописанных предположениях и условиях экономического и идеологического характера. Это непростой вопрос, учитывая, что стремление построить «идеальную» стратегию развития экономики за последние 30 лет стало навязчивой идеей для российского политического класса и экспертно-экономического сообщества. Начиная с программы «500 дней» лавина стратегий и программ накрыла российское общество вообще и элиты в частности, породив почти что уверенность в том, что секрет успеха в экономике кроется в «хороших стратегиях», а провалы в экономике, наоборот, в неудачных стратегических проектах. Разработка стратегий превратилась в некую виртуальную жизнь для элит и обслуживающих их многочисленных экспертных групп. Выработалось устойчивое убеждение, которое не становится менее популярным оттого, что является заблуждением, — достаточно только разработать «правильную» стратегию, сопроводить ее (это главное) детальным «планом мероприятий по реализации» — и можно с чувством выполненного долга спокойно ожидать экономического чуда в виде высоких темпов роста, народного ликования и зависти недругов. При этом до сих пор нет ответа на простой вопрос: почему при обилии стратегий почти никаких результатов в смысле стабильных темпов роста, стабильного экономического и социального развития, повышения качества жизни так и не достигнуто.

Заметим при этом, что до последнего времени ни про какую «двухколейность» в духе «чучхе-глобалистика» речь не шла. И преодолевать приходилось «всего лишь» внутреннюю конфликтность стратегий социально-экономического развития.

Эта внутренняя конфликтность стратегий социально-экономического развития, которая практически отсутствует в стратегиях производственно-технологического характера, ориентированных на достижение определенных параметров предложения и обмена, обусловлена их ориентацией на параметры дохода и распределения. При этом практически невозможно в явном виде определить цель, способы достижения которой и являются стратегией. Действительно, как можно конструировать стратегию достижения такой цели, как «обеспечить высокое качество жизни», «обеспечить такие-то темпы роста», «повысить производительность труда», «улучшить демографические показатели», «улучшить инвестиционный климат» и т. п.? Подобные цели, во-первых, подлежат чрезвычайно сильной, многоуровневой декомпозиции, в ходе которой обнаруживается, что единой стратегии их достижения просто не существует, а есть некая комбинация пересекающихся и конкурирующих стратегий конкретных экономических, социальных и прочих субъектов общественного процесса. Во-вторых, экономические цели сами по себе являются лишь фрагментами синтетических целей общественного прогресса.

С этой точки зрения дискутируемые ныне стратегии социально-экономического развития по сути воспроизводят тот выбор, который стоял перед властью и экспертами в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: градуалистская стратегия «улучшения институтов» в условиях ограничения денежного предложения, продолжения жесткого контроля инфляции, снижения расходов бюджета и повышения налогов или шоковая стратегия «монетарно-инвестиционной накачки» за счет увеличения денежного предложения, поддержания умеренных темпов инфляции, роста расходов бюджета при снижении налогов и усиленного государственного инвестирования в инфраструктурные проекты. Тогда выбор был предопределен не собственно экономическим расчетом «затраты – результаты», но влиянием одной и другой на фундаментальные основы общественно-политического и социально-экономического устройства страны. Цель состояла не в темпах роста и даже не в эффективности функционирования экономики, но в изменении отношений собственности и связанным с этим изменением политической структуры общества. Именно такова была метациель. А инструментом ее достижения являлось переформатирование механизмов функционирования экономических агентов и мотивации их поведения. Эта метациель была достигнута к началу 2000-х гг. Благоприятный внешний фон в виде высоких цен на углеводороды, давших возможность законсервировать институциональную динамику и общественно-политические процессы в стране, сосредоточившись на накоплении экспортной ренты, сделал в этот период неактуальным вопрос о формулировании новой метациели, хотя в политико-идеологической сфере такая необходимость все время прорывалась на поверхность в форме

поисков «национальной идеи». Происходила подстройка поставленной еще в конце 1980-х гг. метацели, ее переформатирование на частичную реставрацию системы прежних общественно-экономических институтов при условии сохранения либеральной оболочки макроэкономического регулирования, но при замене концепции квазисовершенной конкуренции концепцией государственного монополизма и рыночной олигополии.

Вероятно, это объясняет «незаметность» многочисленных стратегий, к примеру, стратегии «2020». Если нет цели, получится все, что угодно, какой угодно красивый и успокаивающий относительно верности канонам текст. Не получится стратегии.

Сейчас ситуация изменилась. Либеральная оболочка не может поддерживаться внешними ресурсами в форме экспортной ренты и начала перестраиваться, поглощая внутренние ресурсы, прежде всего секторов «государственной социальной опеки». Возникла ситуация острой конкуренции между обязательствами государства по опеке социальной и корпоративной, с одной стороны, и военно-политической, с другой.

По сути дела, российская экономика оказалась в системном кризисе, который является классическим марксовым кризисом перепроизводства. Поддержание пропорций и выполнение сбалансированных обязательств (которые в условиях победившего государственного монополизма превратились в значительной степени в обязательства государства) возможно только при сохранении сложившихся пропорций «цен» (рентных доходов бюджета, сбережений, конечных расходов, корпоративной прибыли, курса рубля, ставки процента и т. п.). Внешние шоки разрушили эту сбалансированную систему, а механизмов ее автоматической корректировки не оказалось. Они блокированы тем самым государственным монополизмом и корпоративным олигополизмом, которые формировались все первое десятилетие нового века. Таким образом, главная проблема не во внешних шоках. Они неизбежны, неизвестны форма, время и размер, но известно, что обязательно случатся. Главная проблема внутренняя – отсутствие эффективного арбитража, «замороженность» политико-социальных форматов, конфликт псевдорыночного и государственно-монополистического секторов в экономике.

Соответственно, многочисленные дискуссии относительно новой стратегии развития, призванные обеспечить новое «ускорение» и «эффективную экономику»¹, на самом деле неявно содержат вопрос о необходимости заме-

¹ Как известно, лозунг «экономика должна быть эффективной» был провозглашен в 1970-х гг., а в 1980-х гг. его сменил лозунг «ускорение», который имел ясное количественное выражение – удвоение общественного продукта за 10 лет. Ни тот, ни другой лозунги ни к какому практическому результату не привели. Система не менялась. Автомобиль, рассчитанный конструктивно на скорость 70 км в час и на потребление 20 литров топлива на 100 км пути, как его ни уговаривай, не сможет показать 200 км в час и все равно будет сжигать свои 20 литров, а не 10 и не 6.

ны метацели, что автоматически приведет к необходимости обсуждения вопроса о содержании и форме общественного развития в целом. Собственно говоря, ожесточенность дискуссии связана именно с большей или меньшей готовностью спорщиков признать этот факт.

Образную характеристику ожесточения, присутствующего во всех этих «стратегических» дискуссиях, дал модерировавший заседание круглого стола на тему «Российская экономика на перепутье: битва стратегий» (20–22 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете) Р.С. Гринберг: «Многие желают спасти российскую экономику, но готовы пожертвовать самой этой экономикой, если не согласны с рецептом спасения». Это очень точная характеристика сути самой дискуссии. Ведь спор идет не о новой метацели, определение путей достижения которой и есть суть стратегии. Спор идет именно о путях, но по умолчанию предполагается, что это разные пути к одной и той же цели – сохранению статус-кво. Тот факт, что это состояние статус-кво и есть причина кризиса и надвигающегося длительного застоя не то чтобы ускользает из внимания, но представляется, очевидно, настолько «неполиткорректным», настолько выпадающим из генеральной линии, что о нем и говорить не очень прилично.

А поэтому продолжается вялое изыскание новых аргументов или новых нюансов схоластической дилеммы: реформа институтов при сохранении двухколейной модели построения экономики или реформа инструментов при сохранении этих самых «колей». Практические рецепты хорошо известны. Первый сводится к модернизации структуры и изменению качества институтов на фоне монетарно-бюджетной стабилизации. Второй – к бюджетно-монетарному стимулированию инвестиций на фоне модернизации и повышения качества институтов. Правда, после Петербургского экономического форума заговорили о третьем рецепте – «цифровой экономике», но это относится уже к изысканности структурных пристрастий, а не к логике макроэкономических решений, о которых, собственно, и идет речь в контексте «рецептов».

Сторонники первого рецепта уверены, что искусство маневрирования финансовыми резервами и сохранение макроэкономической стабильности в монетарном смысле вполне достаточны для того, чтобы обеспечить экономике возможность автоматического поиска состояния динамического равновесия. Неясно, правда, почему и как маневрирование и сохранение стабильности, которые вот уже более 20 лет являются краеугольными камнями российской макроэкономической политики, вдруг приведут к восстановлению динамики, хотя до сих пор периодически эту динамику угнетали. Очевидно, ответ следует искать в настойчивых призывах улучшать качество институтов и ускорять реформы. При этом имеется в виду, что проблема ка-

чества и стабильности институтов должна быть решена за счет «политической воли». Это, конечно, утопия. Без какой-либо системной трансформации общественно-политического фундамента формирования и гарантии защиты мотивов экономического поведения положительных результатов не будет.

Но есть и еще одна серьезнейшая проблема, на которую указал в ходе дискуссии на вышеупомянутом заседании круглого стола профессор М.Ю. Урнов. Весьма сомнительно, что любые стратегии, если под ними иметь в виду только некий набор инструментов манипулирования макроэкономическими ресурсами для достижения предельно общих целей типа темпов экономического роста или статистических индикаторов производства, потребления, доходов и их распределения, не останутся на бумаге либо не канут в Лету спустя краткий миг. Этого не произойдет только тогда, когда они будут базироваться на фундаментальном понимании природы и тенденций изменения экономической и социальной мотивации акторов экономического и социального процессов. Понимание и учет этих мотиваций – слабое звено в российской экономической и социальной политике. Предположение о том, что макроэкономические индикаторы сами по себе являются достаточным основанием для решения накопившихся и умножающихся проблем социального самочувствия и экономической активности, не есть аксиома. Более того, сложность и неоднозначность мотиваций в обществе свидетельствуют скорее об отсутствии доказательств этого тезиса, чем о подтверждении его аксиоматичности.

Но ведь адепты первого рецепта уверены, что «правильное» макроэкономическое регулирование и продвинутые институты обязательно подвигнут экономических агентов к изысканию и инвестированию внутренних ресурсов, что и даст желаемый переход к росту и процветанию. Не скоро, конечно, зато очень либерально и в полном согласии с неоклассической концепцией свободы торговли и максимизации чистого сальдо платежного баланса.

Авторам второго рецепта некогда ждать, когда «выращивание институтов» и воспитание экономических агентов приведут к экономическому росту. Они уверены, что, во-первых, результат должен быть получен в кратчайшие сроки. А во-вторых, главным способом добиться экономического роста должна быть «инвестиционная накачка» в форме осуществления инвестиционных мегапроектов по развитию инфраструктуры. Источником финансирования этих мегапроектов должны выступить как раз государственные резервы (включая виртуальные резервы в форме совокупного долга) и средства консолидированного государственного бюджета.

В ходе упомянутого выше заседания круглого стола идея инвестиционной накачки была преподнесена в форме проекта «сжатия российского пространства» с помощью строительства скоростной железнодорожной магистрали,

которая должна заменить (или увеличить ее пропускную способность) Транссибирскую железную дорогу. Разумеется, как и всегда, когда речь идет о железнодорожном строительстве, за счет средств государственного бюджета.

Сомнений в том, что залповый вброс в экономику инвестиций (а речь идет в этом проекте о 15–20 трлн руб. за 7–8 лет, то есть примерно о половине той суммы, которую предлагает привлечь за 10 лет Сбербанк посредством увеличения в 1,5 раза совокупного долга) приведет к некоторому приросту ВВП, нет никаких. Так, вложение в подготовку саммита АТЭС во Владивостоке в 30 раз меньших ресурсов госбюджета заметно прирастили ВРП Приморского края. Ненадолго. Закончились инвестиции – и закончился рост. Может, так не произойдет в случае скоростной дороги? Может быть. Но для уверенного ответа нужно иметь ответы на скучные, но имеющие непосредственное отношение к экономике вообще и экономическому росту в частности вопросы. А именно: каков национальный коэффициент локализации производства будет обеспечен, какова величина инвестиционного мультипликатора, каковы механизм и размеры генерирования внутреннего спроса, как будут распределяться эффекты эксплуатации, как изменятся транспортные издержки, как изменится ситуация с мобильностью труда, произойдет ли действительно увеличение степени гомогенности экономического и социального пространства, какая часть международного транзита контейнерных грузов переключится на российские железные дороги, будут ли получены и какие дополнительные доходы экономики и бюджетов и т. п.? Впрочем, без базовых институциональных преобразований об этом говорить довольно бессмысленно.

А ведь все может произойти с точностью до наоборот. Уровень гомогенности пространства страны в результате строительства магистральной скоростной дороги может снизиться в связи с облегчением стягивания и без того фрагментированного экономического пространства к уже сформировавшимся вокруг мегаполисов экономическим полюсам, что относится как к рынку труда, так и к размещению производственных мощностей. Огромные затраты бюджетных средств приведут к созданию «транзитной евразийской специализации» российской экономики, что заблокирует институциональную и финансовую поддержку государством частных инвестиций в диверсификацию национальной экономики и экспорта. Огромные средства будут вложены фактически либо в конфронтацию с международным инфраструктурным проектом Шелкового пути, инициированным Китаем, либо в закрепление статуса сателлита Китая в этом проекте. Причем последнее даже более вероятно, учитывая, что Россия уже официально присоединилась к этому проекту (что было продекларировано в 2015 г. и закреплено официальным межгосударственным заявлением в мае 2017 г.).

Конечно, это всего лишь один из возможных проектов. Правда, список вопросов от проекта к проекту будет меняться незначительно. Но главная проблема заключается в предположении, что государственные инвестиции без каких-либо изменений базовых экономических отношений и социально-политических форматов могут запустить механизм экономического роста, то есть автоматически решить проблему трансфера технологий, эффективных масштабов выпуска, размеров совокупного спроса, структуры внутреннего потребления и экспорта, продуктивности функционирующего капитала, рациональности экономического поведения, эффективной конкуренции и пр. Вряд ли смогут решить эти проблемы сами по себе инвестиции за счет заемного капитала, даже если они и не раскачают устойчивость денежного рынка (что действительно маловероятно при рациональном, правда, инвестировании).

Количество проблем и принципиально нераспутываемых петель обратных связей чрезвычайно велико. Однако наличие рисков – не причина ничего не делать, но очень веская причина ответить на вопрос: какова конечная цель действий? Настала пора осознания необходимости пусть недостаточного политкорректного, но содержательного обсуждения системных проблем общественного процесса, как первоочередной задачи. Настала пора формулирования новой метациели – цели общественного в целом и экономического в частности развития, что должно вылиться в формирование оптимальной стратегии достижения этой цели, в которой, конечно, будут сочетаться и обе столь активно ныне обсуждаемые стратегии экономического регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валовой внутренний продукт / ФСТС. 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab8.htm (дата обращения: июль 2017).
- Глобальная экономика возвращается к росту // Коммерсант. 2017. 7 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (дата обращения: июнь 2017).
- Долг России предложили нарастить до 150 процентов ВВП // Лента.Ру. 2017. 3 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (дата обращения: июнь 2017).
- Собильным застою // Лента.Ру. 2017. 6 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/06/ageofrise/> (дата обращения: июнь 2017).
- Шувалов спрогнозировал двухпроцентный рост ВВП России в 2017 году // Лента.Ру. 2017. 19 января. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/19/rusecon/> (дата обращения: июнь 2017).
- Экономика России перешла в стадию роста // Rambler News Service. 2017. 31 марта. URL: <https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (дата обращения: 16.07.2017).

STRATEGIC BRANCHING: IS THERE A WAY OUT OF A DEAD END?

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir – Academician RAS, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. The article discusses problems of choosing a strategy of Russia's development. It is shown that the issue is not with choosing a rational way of economic behavior in macrosphere but ways of development in the economy that continues to close, all the mechanisms and relationships of which are oriented at the economy that functions in global production cycle. The article states that Russian economy is in systemic crisis that is a classical Marx's crisis of overproduction when supporting the ratio and fulfilling balanced obligations (that became state's obligations after the triumph of state monopoly) is only possible in case of preserving the existing ratio of 'prices' (rent income of budget, savings, final expenses, corporate profits, ruble rate, interest rate, etc.). The main problem is identified as internal factors: lack of effective arbitration, stasis of political and social formats, conflict between pseudo-market and state-monopolistic sectors of economy; not the external ones, the existence of which is objective. Therefore numerous discussions about a new strategy of development that were supposed to establish a new effective economy are, in fact, raising a question of necessity of changing the meta-goal, that in turn will lead to the necessity of discussing the issue of content and form of social development in general.

Keywords: overproduction crisis, social development, meta-goal, macrosphere, strategy, Russia

REFERENCES

- Gross Domestic Product.* Federal State Statistic Service, 2017. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab8.htm (accessed July 2017). (In Russian).
- Global Economy Returns to Growth. *Kommersant* [Businessman], 2017, 7 June. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (accessed June 2017). (In Russian).
- The Debt of Russia is Proposed to Increase to 150 Percent of GDP. *Lenta.Ru*, 2017. 3 February. Available at: <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (accessed June 2017). (In Russian).
- Abundant Stagnation. *Lenta.Ru*, 6 February. 2017. Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/02/06/ageofrise/> (accessed June 2017). (In Russian).
- Shuvalov Predicted a Two Percent Growth of Russia's GDP in 2017. *Lenta.Ru*, 2017. 19 January. Available at: <https://lenta.ru/news/2017/01/19/rusecon/> (accessed June 2017). (In Russian).
- Russia's Economy has Passed the Stage of Growth. *Rambler News Service*, 2017, 31 марта. Available at: <https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-ros-ta-2017-03-31/> (accessed 16 July 2017). (In Russian).